

классика

джентльмены предпочитают Джорджоне

Гарольд Пинтер взялся за «Старых мастеров»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ ЛОНДОН

О творчестве Гарольда Пинтера русская публика осведомлена совсем неплохо, но представление о живом английском классике в России, как водится, носит несколько односторонний характер. Мы-то знаем его в основном как драматурга и киносценариста, а Пинтер между тем отлично известен в Британии и как театральный режиссер. Новинкой этого лета стал пинтеровский спектакль «Старые мастера», поставленный по пьесе Симона Грея в лондонском театре Comedy.

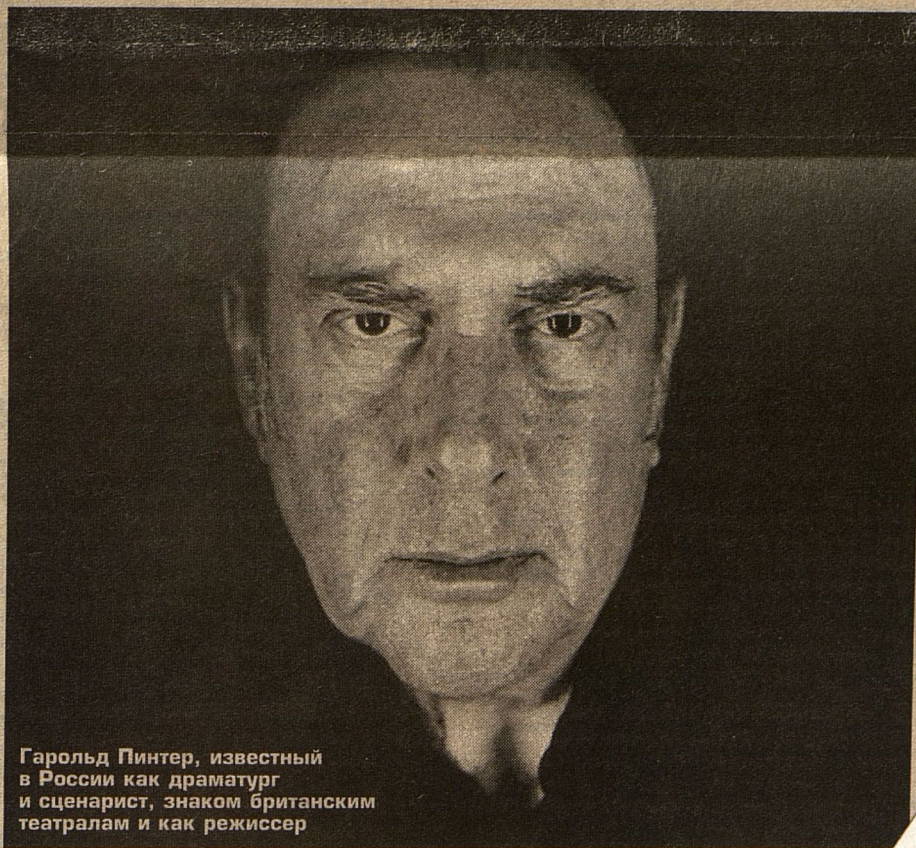
Гарольду Пинтеру пьесы Грея нравятся, и даже весьма. Отдавая должное другу и коллеге, он уже восемь раз ставил его произведения на сцене, а «Старые мастера» стали для Пинтера попыткой номер девять. Пускай слава Симона Грея за пределами его родины не так громка, как пинтеровская, — следует с уважением констатировать, что на поприще драматического искусства Грей ушел далеко. Сегодня ему 68 лет, пьеса за эти годы написана тьма тьмущая, и в своем деле он такой же «старый мастер», как сам Пинтер. Впрочем, речь в «Старых мастерах» идет вовсе не о коллегах-драматургах, а об итальянских живописцах, чьи шедевры становятся предметом пристальной искусствоведческой экспертизы прямо по ходу спектакля.

Богатая вилла под Флоренцией, находящаяся в собственности известного искусствоведа Бернарда Беренсона, отдаленно смахивает на некогда описанный Бернардом Шоу «дом, где разбиваются сердца». Хотя в персонажах Грея и близко нет той сумасшедшинки, что всегда чувствуется в пьесах Шоу, дом мистера Беренсона, где вместе с ним обитают его старая жена и молодая любовница-секретарша, тоже стоит на обочине войны. Только финал «Дома, где разбиваются сердца» сопровождался взрывами Первой мировой, а действие «Старых мастеров» развивается в предвоенный 1937 год в фашистской Италии.

Старых итальянских мастеров Беренсон любит страстно и нежно, а итальянских фашистов ненавидит — Муссолини, к примеру, называет не иначе как крякающим селезнем. Но в политику этот литовский еврей, некогда с родителями эмигрировавший в Америку,

не лезет — ему бы сначала с денежными проблемами разобраться, тем более что их у него с избытком. Шанс вылезти из долгов появляется с прибытием ловкого арт-дилера Джозефа Дувина. Хитрец как бы невзначай захватил с собой ценный холст, на продаже которого можно хорошо погреть руки, но покупателю очень хочется, чтобы это был Джорджоне, а Беренсон, как назло, уверен, что картина сработана не Джорджоне, а его учеником Тицианом. Разумеется, объяснение Беренсона с Дувиним, в ходе которого дилер уговаривает искусствоведа заключить сделку с совестью, и становится центральной сценой спектакля. Два знаменитых лондонских актера, Эдвард Фокс и Питер Боулс (тоже «старые мастера», что ни говори), чувствуют себя вольготно: им есть где разыграться, а режиссер их ни в чем не ограничивает.

Участие Пинтера в спектакле не слишком заметно. Во время репетиций он просто развел актеров в разные углы сцены и с помощью неглупых замечаний не давал им сильно грешить против хорошего вкуса. Собственно говоря, актеры заодно с автором пьесы по-хорошему должны считать Пинтера идеальным режиссером: никому не мешает, постановочными вольностями дело не портит, дает выговориться всем, кто того пожелает, — словом, ведет себя по-джентльменски. Такой спектакль мог бы появиться и двадцать, и тридцать, и пятьдесят лет назад, и публика была бы точно в таком же восхищении, как сейчас. Мастерство — оно и есть мастерство. Будь я на месте режиссера, непременно бы вынес в уголок программки посвящение: «Всем старым коням, которые борозды не испортият».

Гарольд Пинтер, известный в России как драматург и сценарист, знаком британским театралом и как режиссер